

30 ОКТ. 40 ЗВЕТА

Газета №

Москва

Декада бурят-монгольского искусства в Москве

Замечательные спектакли

Три спектакля, показанные во время декады бурят-монгольского искусства, — три ступени в музыкальном развитии и театра, в сущности, всей художественной культуры республики. Первый из спектаклей — «Эржен» — это еще только драматическая пьеса с небольшим количеством вставных музыкальных номеров. Музыка здесь еще не является фактором, движущим драматургию произведения. Ее отблеск гораздо более скромная роль: в минуты высокого душевного напряжения персонажи «Эржена» вместо произносимых монологов издают обуревающие их страсти в песне. Кроме того, музыка служит как элемент тапочно-интересных эпизодов спектакля и перед отдельными картинами вводит аудиторию в настроение предстоящего драматического фрагмента.

Отсюда и роль композитора — В. И. Моронкина — оказалась довольно ограниченной. Ему надлежало использовать позитивные фольклорные напевы (преимущественно современные советскую народную бурят-монгольскую песню), обрабатывая их так, чтобы они звучали в оркестре. Позитивное оперно-симфоническое развитие в «Эржене» нет, да и, собственно говоря, не может быть.

Следующим шагом был «Баир», созданный уже в форме так называемой музыкальной драмы. Этот тип музыкально-драматического спектакля хорошо известен нам по опыту предыдущих национальных декад. «Фархад и Ширин» и «Гюльсара», «Алтын-Кыз» и «Аджал-Ордуна», например, дают достаточно отчетливое представление о том, что такое эта музыкальная драма. Музыка занимает здесь довольно существенное место, хотя далеко не заполняет всего действия. Наоборот, кульминационные точки развития нередко даются здесь в виде драматических диалогов и сцен, лишь в порядке исключения поддерживаемых оркестровым сопровождением.

Совершенно очевидно, что перед композитором — автором музыки к подобному спектаклю — встают уже достаточно сложные задачи. И надо сказать, что П. М. Берлянский и Б. Б. Ямпилев с этими задачами справились неплохо. Музыка в «Баиру» очень мелодична и вся выдержана в духе бурят-монгольской народной песни. Может быть, даже слишком. Композиторы имели возможность привнести в бурят-монгольскую музыку фольклорную музыкальную интонацию. Они могли проявить большую инициативу и в обработке народной-песенного материала, избегнув проторченных путей, уже не раз использованных в свое время авторами музыкальных драм.

Но, как бы то ни было, партитура «Баира» все же отвечает эстетическому духу произведения, передает и драматические конфликты, и лирику любви, и радость конечной победы.

В «Энхэ» — булат батор — мы сталкиваемся уже с произведением, в котором музыка говорит присутствующим ей позитивным языком. Музыкальная драматургия — вот задача, которую поставил перед собой композитор М. П. Фролов и с которой он (в трудных условиях начального периода развития музыкальной культуры народа) справился вполне успешно.

Яркие индивидуальные музыкальные характеристики, данные основным персонажам «Энхэ», развитая система лейтмотива, большие оперные ансамбли, хорошая полифония, — все это находит свое место в произведении, все это служит одной цели — музыкальными средствами рассказать лирико-эпическую трагедию, положенную в основу «Энхэ» — булат батор.

Мы видим, таким образом, как в кратчайшие сроки выросла культура театра, как в непростые годы прошел он путь, который в иных условиях потребовал бы долгих десятилетий, если не столетий.

Неизмеримо выросла за это время и бурят-монгольская драматургия в соб-

ственном смысле слова. Опять-таки сравним три произведения, которые увидели мы в спектаклях декады. «Эржен» (текст Н. Нолзано и М. Эзель) — рассказ о двух влюбленных: Эржен — бурят-монгольской девушки и Андре — русском, отдавшем все свои силы и знания работе в бурят-монгольском животноводческом совхозе «Селенга». Острых драматических конфликтов здесь нет и в помине, и эта пьеса может рассматриваться лишь как поступок в разрешении действительных задач драматургии.

«Баир» (текст Г. Пыденжалова и А. Шагалева), так же как и «Энхэ» — булат батор» (текст П. Болдало), — свидетельствует уже личительной драматургической зрелости. Резкая противоположенность сил, яркое противостояние, динамичность и логика сюжетного развития — все это свидетельствует о том, что молодая бурят-монгольская оперная драматургия успела далеко уйти вперед от своего первого (столь бедного!) робкого опыта.

Баир и Энхэ — воплощение идеальной стороны народного духа. Их обоих отличают смелость, прямота, страстная преданность родине, неутомимость любви. И таким же ярко образованным воплощением денечки прекрасного являются героини произведений — Булган в «Баири» и Ариун-Гохов в «Энхэ». И тут и там ставка идет на образы деспотных-ханов, угнетавших народ, преследующих героев-баторов.

Сюжетная канва, перипетия фабулы в обоих произведениях различны, но тема их одна: сквозь все препятствия пропущен народ свою волю к победе, к радости, к счастью. И с этой точки зрения оба произведения, очень близкие к бурят-монгольской эпической поэзии, глубоко по содержанию и в конечном счете современны, ибо разве не такова вся историческая судьба бурят-монгольского народа, после многовековых страданий свергнувшего своих угнетателей, вырвавшего из заточения своих любимых героев! Разве счастье Баира и Булгана, Энхэ и Ариун-Гохова не символизирует счастье всего народа, обретенное, наконец, свободу?!

Спектакли бурят-монгольского музыкального театра показывают, что за недолгий срок в коллективе вырос ряд очень

определенных артистов. Такова Н. Гендунова, ярко и выразительно проводящая роль добродушной деревенской ситницы Жарбай в «Эржене». Такова исполнительница заглавной роли в этой пьесе Н. Гармаева. При всей ограниченности материала, предоставленного ей драматургом, артистка сумела создать образ, возмущенный своей яркостью, убеждающий простотой выражения.

Среди исполнителей «Эржена» особенно хочется отметить Ч. Генипова (Намжа) и С. Пыренову (Светлана). Эта пара юных влюбленных, робких в своем чувстве, да к тому же болевших несущей Жарбай — просто очаровательна.

Несомненным талантом оларепе Н. Петрова (Булган в «Баири» и Ариун-Гохов в «Энхэ»), обладающая к тому же лучшим голосом в труппе. Ее актерской игре, так же как и музыкальной трактовке, присущи лирическая теплота и задушевность. Местами же она оказывается способной подниматься до настоящей патетики (например, в сцене с ханом во втором действии «Энхэ» — булат батор).

Хорошее впечатление произвел Б. Болдаков — исполнитель ролей обоих ханов и в «Баири» и в «Энхэ». Особенно удалась артисту вторая роль. Скупыми, но яркими средствами очерчивает Болдаков образ Булгал-хана — злобного, мстительного, подличного злодеяного радиополушария скрывающего ярость низменных страстей.

Исполнители ролей Баира и Энхэ (В. Хаматов и И. Батуринов) в большей мере справились с задачей раскрытия лирических, нежных героических черт в характерах народных героев. Однако артисты там, где они сильны, сумели показать себя с лучшей стороны.

Среди исполнителей остальных ролей спектаклей бурят-монгольского театра следует отметить Г. Пыденжалова, создавшего глубокий и впечатляющий образ старика Шарья в «Эржене», пластичного М. Шагалева (Сута-марган в «Баири»), выразительного в своих движениях П. Никольева (Эрхэ-марган в «Энхэ»), У. Хоборкова (Дархан в «Энхэ»), П. Разгильдеева (Солон-батор в «Энхэ»).

Вообще уровень актерского исполнения следует признать для молодого театра весьма высоким. Несколько хуже обстоят де-

ла с вокальной школой. Артисты коллектива нуждаются еще в тщательной вокальной выучке.

Спектакли бурят-монгольского театра (в первую очередь «Баир» и «Энхэ») поражают своей яркостью и красоточностью, великолепием костюмов, красотой мизансцен. И постановщики (И. Тумалов, Г. Пыденжалов, Н. Нолзано), и художники (Г. Кигель) проявили много изобретательности и добились ошеломительных результатов. Как совершенно выдающееся достижение постановщика и балетмейстера (И. Моисеев), хочется отметить танец страшных масок — «Нам». Ожившие на сцене филиалы Большого театра уродливые и злобные божества лиамейской религии, гигантская смерть с косой, фантастическое чудовище, соединившиеся в отвратительной бесовской пляске, и рядом с ними дрожащий старец, заминающий хилые остатки своей жизни, — все это совершенно незабываемое зрелище.

Балетмейстерская работа И. Моисеева и М. Арсеньева вообще заслуживает высшей похвалы. На их долю выпала одна из самых трудных частей работы. Ведь если все виды искусства в старой Бурят-Монголии были так задержаны в своем развитии, то искусство танца было утрачено ламизмом почти полностью. И пытливым художникам, принявшим помочь народу в деле возрождения его культуры, в хореографической области пришлось начинать едва ли не с самого начала. Тем отчаяннее отметить не только «Нам», но и великолепные, буйные по движениям танцы из третьего действия «Энхэ».

Преносходно показал себя хор бурят-монгольского театра, особенно в «Энхэ», справляющийся с трудностями сложной полифонической партитуры. Среди трех слышимых нами дирижеров — К. Тихонов, П. Бердигского и М. Борхадзе — на первое место хочется поставить Бердигского. Впрочем, задача его облегчалась тем, что он дирижировал собственной музыкой. Вообще же оркестрово-симфонический ансамбль в спектаклях декады если не так уж филигранен, то во всяком случае достаточно строг.

Д. РАБИНОВИЧ.